

Бил Линд

ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОРРЕКТНОСТИ

Статья Била Линда, американского военного специалиста, а также эксперта в области культурного консерватизма, произвела на нас очень хорошее впечатление. Она раскрывает марксистскую сущность такой страшной болезни современного общества как «Политкорректность». Наглядно показаны истоки политкорректности и проведены аналогии между классическим марксизмом и марксизмом культурным, если так можно выразиться. Инструменты марксизма всегда одни и те же – это подавление одной группой людей, которая объявляет себя добром, другой, которая объявляется злом. Статья была написана 8 лет назад для студентов колледжей США. Читатель найдёт живые аналогии с современной реальностью РФ, когда русские объявлены злом и всё их достоинство, имущество, права экспроприируются в пользу нацменьшинств.

Откуда всё это, – «угнетаемый феминизм», «движение за права голубых», надуманная статистика, переписанная история, ложь, наглые требования, всё остальное, – откуда это всё появилось? Впервые в нашей истории американцы должны опасаться того, что они говорят, что они пишут, что они думают. Они вынуждены бояться использовать не то слово, слово, объявленное оскорбительным, возбуждающим рознь, расистским, женоненавистническим, оскорбляющим гомосексуалистов.

Мы видели другие страны, особенно в этом (20-м) столетии, где такие вещи происходили. И мы всегда смотрели на них со смешанным чувством жалости и даже с примесью забавы, потому что для нас казалось просто невообразимым оказаться в ситуации, когда люди боялись бы тех слов, которые они используют. Но сейчас мы оказались именно в такой ситуации в нашей стране. В основном это происходит в кампусах колледжей, но распространяется на всё общество. Откуда это пришло? Что это такое? Мы называем это «Политической Корректностью». Это имя произошло от какой-то шутки, буквально из отрывка какого-то комикса, и мы до сих пор относимся к нему полушутя. На самом деле, всё очень серьёзно. Это великая болезнь столетия, болезнь, унесшая жизни миллионов людей в Европе, России, Китае, во всём мире. Это идеологическая болезнь. ПК (ПолитКорректность) – это не смешно. Это смертельно серьёзно.

Если взглянуть на это аналитически, посмотреть исторически, то мы быстро обнаружим, что это такое. Политкорректность – это культурный марксизм. То есть это марксизм, переведённый с языка экономики на язык культуры. Это движе-

ние, восходящее не к Хиппи и Пацифистам 1960-х, а к Первой Мировой войне. Если сравнить основные положения учения политкорректности и классический марксизм, то параллели просто очевидны. Во-первых, оба учения – тоталитарные идеологии. Тоталитарная природа политкорректности нигде не проявляется столь отчётливо, как в кампусах колледжей, многие из которых с этой точки зрения просто маленькие Северные Кореи, в которых любой студент или преподаватель, рискнувший нарушить границы, установленные феминисткой или активистами борьбы за права гомосексуалистов, или местной группой чёрных или испаноязычных, или какой-либо другой «священной» группой меньшинств, упоминаемой в учении о политкорректности, сразу сталкивается с юридически неприятностями. Внутри малого законодательства колледжа, им грозят формальные обвинения – что-то типа инквизиции плюс наказание. Так в миниатюре выглядит будущее, которое политкорректность готовит всей нации.

Действительно, все идеологии тоталитарны, потому что суть идеологии (я бы отметил, что консерватизм, правильно понятый, не является идеологией) состоит в том, чтобы взять какую-либо философию и сказать, что на основе этой философии определённые понятия должны быть верны, как, например, верно то, что вся история нашей культуры есть история притеснения женщин. Так как реальность этому противоречит, реальность должна быть запрещена. Признание реальности нашей истории должно стать запрещённым. Люди должны быть принуждены жить во лжи. А так как людям изначально противно жить во лжи, то, естественно, они слушают и смотрят на то, что творится вокруг и говорят: «Минуточку! Это не правда. Я вижу, что это не правда». За требованием жить во лжи стоит власть государства. Вот почему идеология непременно порождает тоталитарное государство.

Во-вторых, культурный марксизм политкорректности, как и марксизм в экономике, имеет одно единственное объяснение истории. Марксизм в экономике говорит, что вся история определяется собственностью на средства производства. Культурный марксизм, или политкорректность, учит, что вся история определяется властью, с помощью которой группы людей, разделённые по расовому, половому или другому признаку, имеют власть над другими группами людей. Больше ничего роли не играет. Вся литература на самом деле об этом. Всё, что было в прошлом, вращалось вокруг этой одной власти.

В-третьих, точно как в классической экономике по Марксу, определённые группы людей, например крестьяне и рабочие, заранее объявляются добром, а другие группы людей, как например буржуазия и владельцы капитала, – злом. В культурном марксизме политкорректности определённые группы – это добро: женщины феминистки (только женщины – феминистки, нефеминистки как бы не существуют вовсе), чёрные, испаноязычные, гомосексуалисты. Эти группы

определены как притесняемые, а значит автоматически хорошие, не смотря на то, чем они занимаются. Соответственно, белые мужчины автоматически являются злом, становясь, таким образом, в один ряд с буржуазией в экономическом учении Маркса.

В-четвёртых, и экономический и культурный марксизм полагаются на экспроприацию. Когда классические марксисты, коммунисты, взяли власть в России, они отобрали собственность у буржуазии. Точно так же, когда марксисты по культуре берут власть в университетском кампусе, они устраивают экспроприацию через такие вещи, как квоты на поступление в ВУЗ. Когда белому студенту, великолепно подготовленному, отказывают в приёме в колледж в пользу чёрного или испаноязычного с более низким уровнем подготовки, происходит экспроприация белого студента. На самом деле предоставление преимущественных прав особо защищаемым социальным группам в обществе в целом есть система экспроприации. Компании, которыми владеют белыми, не получают контракт, потому что контракт зарезервирован для компании, принадлежащей испаноязычным или женщине. Так что экспроприация – это инструмент обеих форм марксизма.

Наконец, у обоих есть метод анализа, который автоматически даёт нужные ответы. У классического марксизма – это марксистская экономика. У культурного марксизма – это деконструкция. Деконструкция по существу берёт любой текст, вынимает из него весь смысл и вставляет любой нужный смысл. Так мы узнаём, что весь Шекспир – это угнетение женщин, а Библия – это раса и род. Все тексты просто становятся зерном для мельницы под названием «вся история – это история власти одной группы людей над другими». Так что параллели между классическим марксизмом, с которым мы знакомы на примере Советского Союза и культурным марксизмом, который мы наблюдаем сегодня в виде политкорректности, очевидны.

Но параллели эти не случайны. Параллели не возникли ни откуда. Дело в том, что у политкорректности есть история. И эта история более длинная, чем кто-либо не входящий в узкий круг академиков, изучавших этот вопрос, мог бы догадаться. А история эта тянется, как я уже говорил, с Первой Мировой, как и многие патологии, которые тянут наше общество и нашу культуру вниз.

Марксистская теория говорила, что когда в Европе разразится всеобщая война (как это случилось в 1914 году), то рабочий класс восстанет и свергнет свои буржуазные правительства, потому что рабочие разных стран имеют больше общих интересов между собой, чем с национальной буржуазией и правящим классом своих стран. Ну хорошо, пришёл 1914-й год и этого не произошло. По всей Европе рабочие собрались под национальные знамёна и с довольными ли-

цами пошли биться друг с другом. Кайзер пожал руку лидерам Марксистской Социал-демократической партии Германии и сказал, что больше нет партий, а есть только германцы. И то же самое произошло во всех европейских странах. Значит, что-то было неправильно.

Марксисты знали по определению, что виновата не теория. В 1917 году наконец-то удался переворот в России и казалось, что теория заработала, но она вновь забуксовала. Переворот не распространился на все страны. Попытки силовых государственных переворотов, как Январское восстание 1919 года в Берлине (под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург), как правительство Бела Куна в Венгрии, как Мюнхенский Совет, рабочие не поддержали.

Так что марксисты оказались в тупике. И два теоретика принялись за работу: Антонио Грамши в Италии и Георг Лукач в Венгрии. Грамши сказал, что рабочие никогда не увидят своих классовых интересов, определённых Марксом, пока они не освободятся от западной культуры и в частности от христианства, и что они ослеплены культурой и религией, чтобы осознать свои классовые интересы. Лукач, считавшийся наиболее выдающимся теоретиком после самого Маркса, сказал в 1919 году: «Кто спасёт нас от Западной цивилизации?» По его теории величайшей преградой на пути к марксистскому раю является культура – сама Западная цивилизация.

У Лукача был шанс воплотить свои идеи в жизнь, когда он стал народным комиссаром по культуре в правительстве доморощенного большевика Бела Куна в Венгрии в 1919 году. Первым его шагом было введение в венгерских школах уроков сексуального образования. Это и определило то, что рабочие не поддержали правительство Бела Куна, так как венгры, как рабочие, так и все остальные, были шокированы таким подходом. Но он успел сделать нужный ход, который до сих пор нас удивляет и который бы мы сегодня назвали «последний писк моды».

В 1923 году в Германии был учреждён так называемый «котёл мыслей», который взял на себя роль перевода марксизма с языка экономического на язык культуры, что послужило основой для создания базы для Политкорректности к концу 1930-х годов. Так была рождена Политическая Корректность, которую мы знаем сегодня. И всё это произошло благодаря тому, что сын одного очень богатого немецкого торгового миллионера, Феликс Вейл (Felix Weil), стал марксистом и потратил на это дело много денег. Его просто достали представители различных марксистских течений, так что он проспонсировал мероприятие под названием Первая Марксистская Рабочая Неделя, где свёл вместе Лукача и многих ключевых немецких мыслителей на неделю, чтобы они поработали над разногласиями в теории Маркса.

Он сказал: «Нам нужен котёл мыслей». Сегодня Вашингтон переполнен такими «котлами» и мы думаем, что это что-то очень модное. На самом же деле, это название очень давнее. Феликс взял на полное обеспечение институт, связанный первоначально с Франкфуртским Университетом. Он был учреждён в 1923-м году и в начале должен был называться «Институт Марксизма». Но люди, стоявшие за ним, решили, если они открыто назовутся марксистами, то это не принесёт им плюсов. Больше всего на свете Политкорректность не хочет, чтобы люди додумались, что она есть форма марксизма. Поэтому институту придумали миловидное название «Институт Социальных Исследований».

У Вейла были ясные цели. В 1971 году он писал Мартину Джею, автору основополагающей книги Франкфуртской Школы (именно так Институт Социальных Исследований будет вскоре называться неформально): «Я хотел, чтобы институт стал известен, возможно даже популярен, благодаря его вкладу в марксизм». Так и случилось. Первый директор института Карл Грунберг, австрийский экономист, завершил свою вступительную речь согласно с указаниями Мартина Джея «отчётливо заявляя свою верность марксизму как научной методологии». «Марксизм, – сказал он, – будет направляющим принципом института». Этот принцип никогда не менялся.

Первоначально работа в институте велась традиционно, но в 1930-м году появился новый директор Макс Хоркхаймер (еврей, прим. переводчика). Взгляды Хоркхаймера были другими. Он был предателем учения Маркса. Люди, формировавшие [Франкфуртскую школу](#), были марксистами – ренегатами. Они ещё мыслили категориями Маркса, но эффективно выскальзывали из партии. Москва смотрела на них и говорила: «Это не наши люди, мы это не собираемся поощрять».

Первая ересь Хоркхаймера выражалась в его интересе к Фрейду (еврей, прим. переводчика). Соединив марксизм с фрейдизмом, он сделал возможным перевод экономического марксизма в русло культуры. Опять слово Мартину Джею: «Если так можно сказать, то в первые годы своего существования Институт уделял внимание главным образом анализу социоэкономической подструктуре буржуазного общества, тогда как после 1930-х годов его интересы лежали в области культурной надстройке данного общества. Традиционная марксистская формула взаимоотношений между этими двумя структурами была поставлена под сомнение «Критической Теорией» Хоркхаймера.

Те вещи, о которых мы говорили сегодня – радикальный феминизм, факультеты женских наук, факультеты изучения «голубых», чёрных – это всё ответвления «Критической Теории». Что, в сущности, делает Франкфуртская Школа – она соединяет Маркса и Фрейда в 1930-х годах и получает «Критическую Теорию».

Термин оригинальный, потому что у вас сразу возникнет желание спросить: «Что это за теория?». Теория заключается в критике. Теория, которая призвана победить Западную культуру и в то же время не предлагает капиталистическому строю никакой альтернативы. Они намеренно отказываются это делать. Они говорят, что это сделать невозможно, что мы просто не можем себе представить, как свободное общество будет выглядеть (это их определение свободного общества). До тех пор, пока мы живём в условиях подавления, давления на нас капиталистического экономического порядка, что порождает (в теории) [фрейд-довские](#) условия (условия угнетённых личностей), мы не можем даже себе представить, как будет выглядеть свободное общество. В этом и есть вся «Критическая Теория» – просто критика. Она призывает к самой деструктивной критике, в самой изощрённой форме, придуманной, чтобы привести к упадку существующий порядок вещей. И естественно, когда мы слышим от феминисток, что весь социум просто домогается женщин и всё в таком роде, то такой критицизм есть производная «Критической Теории». Это всё тянется с 1930-х, но не с 1960-х годов.

Другие важнейшие члены, которые присоединяются к Франкфуртской школе в то время, – это Теодор Адорно, а также, что наиболее важно, Эрих Фромм и Герберт Маркузе. Фромм и Маркузе вводят понятие, которое становится центральным в Политкорректности. Это сексуальный элемент. Именно Маркузе в своих работах призывает к обществу «полиморфной порочности». Это его определение того будущего, которое они хотят создать. Именно Маркузе в 1930-х годах пишет очень экстремальную вещь о нужде в сексуальном раскрепощении-освобождении. Эта «работа» распространяется по всему Институту, как и все темы, что мы можем наблюдать в Политкорректности, в тех же в 1930-х годах. По мнению Фромма, мужское и женское начало – не есть естественные сексуальные различия, как считалось в Романтической мысли. Наоборот, различия пошли от различия выполняемых жизненных функций, которые были социально обусловлены. Пол – это созидание через выполняемые социальные функции, половые различия – это конструкт.

Ещё пример – это придание особого значения энвайронментализму (от англ. environment – окружающая среда, природа – социальное движение, направленное на усиление мер по защите окружающей среды). Вот что писал Хоркхаймер в 1933 году в своём сочинении «Материализм и мораль»: «Материализм, начиная с Томаса Гоббса, привёл к управленческо-господскому отношению к природе». Согласно Джею Мартину, «тема господства человека над природой должна была стать центральным направлением Франкфуртской школы в последующие годы». «Враждебность Хоркхаймера к обожествлению труда (вот уж где он действительно расходится с Марксом) выразилась в ином измерении материализма – в требовании человеческого, чувственного ощущения счастья». В одном из

своих наиболее вызывающих сочинений «Эгоизм и Движение за эмансипацию», написанном в 1936 году, Хоркхаймер «обсуждал враждебность буржуазной культуры к личному удовольствию человека». И, в частности, положительно отзывался о Маркизе де Саде за его «протест против аскетизма во имя высшей морали».

Как же такие вещи проникают к нам, в наши университеты, в наши жизни сегодня? Члены Франкфуртской школы – марксисты, они также, все до одного, евреи. В 1933 году нацисты пришли к власти в Германии и, что не удивительно, закрыли Институт Социальных Исследований. Его члены бежали. Бежали в город Нью-Йорк, и институт заново открылся в 1933 году с помощью Колумбийского Университета. Члены института, хотя многие и оставались и писали в Германии, в 1930-х годах постепенно переключились с «Критической Теории» германского общества, разрушающей все основы этого общества, на «Критическую Теорию» американского социума. С началом войны в Америку перебираются ещё больше «критиков». Многие идут работать на правительство, включая Герберта Маркузе, ставшим ключевой фигурой в Управление стратегических служб, предтечи ЦРУ, а некоторые, включая Хоркхаймера и Адорно, переезжают в Голливуд.

Истоки Политкорректности не имели бы для нас большого значения, если не два последовавших друг за другом события. Первым было студенческие волнения в середине 1960-х,двигаемые сопротивлением Вьетнамской войне. Студентам нужна была какая-то теория. Они не могли просто выйти и сказать: «Нет, мы не пойдём на войну». Им нужно было какое-то теоретическое объяснение бунту. Немногим было интересно разбираться с «Капиталом» Маркса. Классический, экономический марксизм – не лёгок, а большинство радикалов 1960-х были не большого ума люди. К счастью для них и к несчастью для нашей страны сегодня, Герберт Маркузе, оставшийся в США после войны, когда Франкфуртская школа перебралась обратно во Франкфурт. И в то время, когда господин Адорно был шокирован бунтом студентов, случившимся в Германии (он вызвал полицию и студентов, ворвавшихся в классную комнату, арестовали), Герберт Маркузе увидел в студенческих волнениях 60-х великий шанс. Он увидел возможность взять работу Франкфуртской школы и сделать на её базе теорию Новых Левых в США.

Одна из книг Маркузе была ключевой. Она стала библией для организации Студентов за Демократическое Общество и для всех волнений 1960-х. Эта книга называлась «Эрос и Цивилизация». Он пытается доказать, что при капитализме угнетение – это основа общественного устройства, что порождает личность, которая, по Фрейдю, является личностью с поднятыми кверху руками и невротизмом, потому что её сексуальные желания подавлены. Мы можем вообразить себе

будущее в котором будет уничтожен существующий угнетающий порядок, в котором мы освободим Эрос, выпустим на свободу Либи́до, в котором будет «полиморфная порочность», в котором можно делать свои личные дела. Кстати, в таком мире не будет работы, только игра. Какое замечательное послание радикалам середины 60-х! Они студенты, они бэби-бумеры (нарожавшие кучу детей) и они выросли, никогда не беспокоясь ни о чём, кроме того, как найти работу. И вот тут как раз парень пишет о том, как легко можно идти по жизни. Он их не просит много читать тяжело воспринимаемый марксизм и говорит им то, что они хотят услышать, в частности: «Вы владеете вещью?», «Делайте то, от чего получаете удовольствие», «Никогда не надо заставлять себя ходить на работу». Кстати, это Маркузе придумал фразу «Занимайся любовью, а не войной». Возвращаясь к ситуации, которая сейчас сложилась во всех кампусах колледжей, Маркузе так определяет «освобождающую терпимость»: это нетерпимость ко всему, что исходит от правых и терпимость ко всему, что исходит от левых. Так как Маркузе присоединился к Франкфуртской школе в 1932 году, если мне не изменяет память, то истоки всего этого можно смело отнести к эпохе 1930-х годов.

В заключение, Америка сегодня находится в процессе великой и необычайной трансформации в своей истории. Мы становимся идеологическим государством, страной с официальной государственной идеологией, подкреплённой силой государства. По обвинениям в «преступлениях на почве ненависти» сидят политзаключённые. И Конгресс сейчас движется в направлении расширения этого понятия «ненависти». Политическая программа против дискриминации – это часть этого движения. Террор против любых несогласных с Политкорректностью в кампусе – это тоже часть этого движения. Это именно то, чему мы были свидетелями в России, Германии, Италии, Китае, а теперь это идёт к нам. И мы не осознаём этого, потому что мы называем это явление Политкорректностью и смеёмся над ним. Моё послание сегодня: «Это не смешно, она здесь, она растёт и она нас, в конце концов, разрушит, так как она направлена на разрушение всего, что мы называем нашей свободой и нашей культурой».

Перевод с английского: Мстислав Засека

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2008 г.